

Школьная подготовка революции — в прошлом и в настоящем

Продолжение старинной полемики

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ, кандидат филологических наук

Предреволюционная полемика о русской школе, о её идеологических приоритетах, о влиянии педагогики на социальное положение в стране не теряет актуальности и сейчас, на заре нового, XXI, века. Ещё в ходе драматической истории Великой Французской революции великие потрясения показали: попытки поссорить общество и государство через систему образования бывают удивительно успешными и потому — чрезвычайно опасными. Как часто игра с огнём, затеваемая авторами гуманитарных школьных программ, сеющих мятежный дух в юных умах, оборачивается огнём и кровью гражданской войны... Общественные деятели давали глубокий анализ исторических коллизий, возникавших в системе противоречивого взаимовлияния просвещения и государственной идеологии. Так было перед Великой Французской революцией, так было в первые десятилетия XX века в России. Чего стоят сейчас исторические уроки, если мы будем продолжать рискованную игру с программами по литературе и истории, отрывая их от нужд и интересов государства, общества?..

Рассмотрим старинную полемику в образовавшемся за последние годы новом историческом контексте. Вопросы, слывшие животрепещущими в начале века XX, актуальны и в наши дни.

1

В последние годы в головы наших современников усиленно внедряется миф о случайном, фатальном характере русской революции 1917 года, о том, что это был трагический и нелогичный обвал, страшная трагедия, об истоках которых и говорить-то бестактно. А между тем XX век начался для России как предреволюционное время — и это тревожное настроение было разлито в воздухе, оно чувствовалось в культуре того времени, в провалах государственной политики, в обострении межнациональной розни, в сокрушении веры в двухсотлетнюю идеологию романовского империализма (говорю об этой идеологии, немало послужившей России, с должным уважением). И, конечно, предреволюционная ситуация, подразумевавшая болезненное состояние раскола в обществе, чувствовалась и в русской школе начала XX века. Poleмика демократов и консерваторов захлестнула — и потопила русское просвещение...

2

Значительное воздействие на содержание гуманитарных дисциплин в современной средней и высшей школе оказывают наши радикальные либералы и радикальные националисты. Первые ненавидят Россию, её историю, её государственнические традиции и готовы простить любые преступления борющемуся за «права человека» Западу. Разумеется, деятельность идеологов этого движения чрезвычайно опасна, попросту разрушительна, для Российского государства: они формируют поколение отщепенцев, грезящих о гастарбайтерском труде и презирающих всё отечественное. Но и радикал-патриоты причиняют государству не меньший вред! Они формируют в людях сиротский страх перед евреями, масонами, теми же демократами и т.п., создают тип ущербного, закомплексованного человека, пребывающего в опозитизированной нищете, глубокомысленном пьянстве и «высоком», «святом» («духовном») безделии. Линия фронта в войне за спасение российского государства и культуры, конечно, проходит не в противостоянии русские — евреи (которое раздувалось идео-

логами РНС им. Михаила Архангела в начале века и ныне раздувается иными «патриотами»), а в противостоянии «европоцентризм — многополярность», в противостоянии лентяя и труды внутри каждого из нас.

Сейчас, когда по логике истории мы обязаны выходить из идейного тупика, нам помогут здравые мысли и Победоносцева, и Горького и М.А. Сулова, и А.Д. Сахарова. Образование — это такая сфера, где идеологические ошибки обходятся не менее дорого, чем ошибки хирурга или сапёра. Вспомним, как в августе нынешнего 2001 года председатель нашего Правительства М. Касьянов выразил недоумение по поводу отрицательной оценки, данной реформам 1990-х в современных учебниках истории. Недоумение руководства понятно: опасно формировать бунтарский дух, недовольство действительностью, в умах школьников. Согласен, это противоречит интересам общества и нормам государственной безопасности. Но ведь у этой проблемы есть и обратная сторона: можно ли дать положительную академическую оценку реформам, против которых высказывались такие разные, но значительные мыслители, как А.И. Солженицын и А.И. Лукьянов? По моему же мнению, учебная литература должна ориентироваться на базовые ценности Российского государства, Российской культуры, ценности, сформированные более чем за тысячелетнюю историю нашего народа, а «гай-чубовские» (по меткому словцу Солженицына) реформы направлены против этих — базовых — ценностей. В этом смысле их идеология так же чужеродна нашим коренным принципам, как «вульгарно-социологическая» концепция 1920-х, к счастью, отменённая во второй половине тридцатых. Уверен: в скором будущем такой же отмене будет подвергнута идеология, которую условно можно назвать «гай-чубовской» (прочитайте программу Союза Правых Сил и вы убедитесь в её несовместимости с традицией российского государственничества — а последняя всегда побеждает). И очень многих в нашем учительстве неприятно удивило пренебрежение Касьянова нашим коренным, но, по его мнению, устаревшим явлением таким как «трудовая интеллигенция» и «рабочий класс»... По мнению руководителя Правительства России, об этих социальных группах авторам учебников лучше помалкивать... Что же — как в песенке феодалов? Помните эту французскую песенку, опубликованную в наших учебниках истории:

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы,
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, необогретым,
Чтоб крестьяне не жирели,
Чтоб лишения терпели...

и т.д.

Что это? Нашему обществу, привыкшему стремиться к принципам относительного равенства, пытаются привить феодальные ценности? Но это было бы хуже, чем преступление как говорил великий дипломат.

Такую картинку благоденствия хотели бы видеть в наших учебниках господ (товарищ для них — тоже устаревшее слово) из правительства? Но в нашем обществе до сих пор большинство составляют рабочий класс и трудовая интеллигенция. И нужно, чтобы правительство играло в одной команде именно с этим большинством. Но списки награждённых государственными премиями и наградами за последние годы подтверждают: Правительство ориентируется на тусовочную, а не на трудовую интеллигенцию и бутафорскую прослойку предпринимателей... И теперь в наших учебниках будут Потанин вместо Стаханова и Гнеушев с сигарой вместо Мравинского с дирижёрской палочкой — к добру ли? Но только гимном такой России должна быть не музыка Александрова, а песня про «Зайку мою», а ценности С.В. Михалкова в формирующейся системе ценностей отбрасываются. Вот ведь как дорого может обходиться любая неосторожность, проявленная в решении вопросов просвещения, — даже если вы крупный политик и исходите из самых лучших побуждений. Проти-

воречия, проявляющиеся на каждом шагу (принятие государственной символики в патриотическом духе — и борьба с «рабочим классом» в учебниках), чреватые общественным недоумением, ведь **отсутствие логики в поступках и словах власть имущих никогда не получает широкой народной поддержки**. А ведь социальная цена ошибок в выработывании школьной программы весьма высока; речь здесь идёт **о формировании революционной ситуации в обществе**. И эту опасность мы поподробнее рассмотрим в статье.

Не будем забывать о воспитании любви к Отечеству, уважения к старшим, стремления к трудовым победам... Всё, что противоречит этим магистральным направлениям идеологии, можно смело отметить как неоправданный риск. Исходить из принципа «любая реформа — благо» в хозяйстве нашего просвещения немислимо. Рассмотрим исторический пример: полемику, развернувшуюся вокруг школьных гуманитарных программ в 1910-е годы, когда радикальные монархисты во главе с Пуришкевичем выступили против радикальных демократов-западников, после октября 1905 года активизировавших свою издательскую деятельность в области народного образования.

3

Одна из книг, выпущенных Русским Народным Союзом имени Михаила Архангела в переломные межреволюционные годы, называлась «Школьная подготовка второй русской революции». В этом сборнике статей содержалась детальная критика демократической школьной литературы; сейчас многие положения авторов сборника, вышедшего в 1913 году, кажутся пророческими. Ведь, как известно, революция, об опасности которой соратники Пуришкевича предупреждали Россию, в 1917 году всё-таки свершилась! А ведь противники Пуришкевича в том же 1901 году упрекали его в маниакальном, бессмысленном охранительстве, в боязни призраков. Призраки материализовались очень скоро. Замечу, что похожая история случилась и с нашими диссидентами. Ведь в массовое сознание внедрялась мысль, что борьба с ними — это блажь КГБ, что разрушение СССР невозможно и диссидентское движение не представляет для нашей страны никакой опасности, а КГБ воюет с призраками. Сейчас эти призраки, кажется, становятся героями наших учебников истории, а ни КГБ, ни ОВД, ни СССР не существует.

Сборник предваряет воззвание Пуришкевича к русскому дворянству с требованием *«защиты народного духа от разрушительных сил»* путём превращения школы в *«храм, святыню, залог государственной мощи»*. В проблемах школы Пуришкевич видит основную проблему предреволюционной России: *«Всё мелко, всё ничтожно, все печальные явления современной русской жизни — всё бледнеет перед тем, что творится в русской народной школе!»* Русская школа 1913 года, по Пуришкевичу, чревата образованием поколения революционеров, которые разрушат Россию. Далее следует ряд рецензий, принадлежащих перьям разных авторов, на различную школьную литературу того времени.

В первую очередь разбору подвергаются тома «Живого родника» — «книг для чтения в школе и дома». Автор рецензий — С. Облеухова — почувствовала в замысле «Живого родника» желание воспитать в детях остро-классовое мышление, заострить вопросы имущественного неравенства, возбудить недовольство существующим порядком вещей (вспомним, что аналогичный упрек нынешним учебникам прозвучал в выступлении М. Касьянова):

*«Во многих рассказах и стихотворениях умышленно сгущены краски тяжёлого крестьянского труда, который представлен чуть ли не в виде каторжных работ. Во многих рассказах слова: **бедный, богатый, голодный** поставлены ни к селу ни к городу, видимо, с целью усилить впечатление и поглубже зарубить в детском мозгу представления, с ними связанные»**.

* Здесь и далее в цитатах из сборника «Школьная подготовка второй русской революции» орфография скорректирована.

В книгах для чтения также был замечен тенденциозный подбор классических сюжетов:

никакой патриотической героики, но сколько угодно героизации угнетённых, отверженных, арестованных. Учебная литература базировалась на демократическом направлении литературы — на направлении, возглавляемом М. Горьким. Облеухова пишет: «Рассказы подчёркивают резкую разницу между бариним и мужиком. В общем итоге этих рассказов и статей оказывается, что мужик трудолюбив, несчастен, беден, а барин богат, бездельничает и презирает мужика». И — ещё о воспитании солидарности с людьми, которых государство наказывает: «Тюрьме и её обитателям отведено много места. Тюрьма — жестокое наказание для людей невинных или слегка виновных. Умилению над «бедными заключёнными составители заставляют служить и наших русских классиков, выхватывая из их произведений то, что считают подходящим для подчёркивания своей тенденции. Так, из Пушкина взято только одно стихотворение: «Сижу за решёткой в темнице сырой, вскормлённый в неволе орёл молодой» и пр. Из Достоевского взят отрывок из рассказов о каторге. В остроге у каторжан завёлся сначала козлёнок, потом орёл. Каторжники сжалились над орлом и выпустили его на волю».

Традиция вполне узнаваемая. **Это традиция последовательного очернения истории России, бывшая основой программ гуманитарных дисциплин в советской школе до второй половины тридцатых годов.** Впрочем, пережитки этого явления сохранялись на протяжении всей истории СССР — и это было худшей стороной нашего гуманитарного образования (у которого, я убеждён! — было немало и сильных сторон, куда больше, чем в нашей современной школе). Невольное продолжение пагубной традиции в девяностые годы состояло **в огульном очернении уже советского периода истории российского государства.** Показывая себя глупее и слабее, чем мы были в нашей истории, мы и делаемся слабее и глупее, а перспективы у глупой и слабой России — какие?

В рецензии на сборник «первоначальных упражнений» «Слово» Л. Спицына анализирует прописи и грамматические примеры, адресованные детям младшего возраста. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, актуальной до сих пор: как совместить воспитание эстетических и идеологических навыков при изучении грамматики. Ведь герметизированное изучение русского языка в отрыве от высших форм существования этого языка не решает больших просветительских задач. Л. Спицына и в грамматических примерах замечает любопытную тенденцию: «О Родине говорится только в перечне нескольких городов и рек России и затем в следующей прописи: «В Турции главный город Константинополь, в Греции — Афины, в Англии — Лондон, в России — Петербург». Какую направленность имеют подобные тексты? Они образуют климат, пригодный для образования **гражданина мира, а не гражданина России.** Иные наши «психологи без сапог», активно занимающиеся вопросами образования (подчас — и на замминистрах постах), гордятся тем, что по их методикам наши выпускники становятся гражданами мира. Этим красивым словосочетанием подменяется непроходимое невежество молодых людей, по незнанию презирающих свою страну, свою культуру. Л. Спицына в 1913 году прочувствовала эту опасность.

Ближе к литературной критике рецензия Облеуховой на «хрестоматию малютку». Авторы хрестоматии, как язвительно замечает С. Облеухова, признаются в том, что хотят топтать в душах малюток некие «дорожки»... Благие намерения, однако, порождают чудовищную хрестоматию. Вывод, который делает рецензент в 1913 году, увы, подходит и для многих современных ситуаций с литературой для «малюток»: *«Бедные дети! Какая только пошлость ни вколачивается в их юный мозг разными подлыми людьми, взявшимися протапывать в их душе свои грязные «дорожки»!»* Хлёсткое, но искреннее замечание.

Три книги хрестоматии Тулупова и Шестакова «Новь» привлекли внимание С. Барача. Среди тенденций сборников отмечен «возмутительный антимилитаризм», ибо «служба Царю и Отечеству — это честь, а не величайшее бедствие, неизвестно откуда сваливающееся на головы мирных поселян». Какие актуальные (и пропитанные атмосферой совсем свежих споров) слова. Также замечено (и характерно не только для этих сборников) фанатическое толстовство, проповедь толстовских ценностей, лишённые даже начатков критического отношения к разным этапам мировоззрения Л.Н. Толстого.

Кстати, и хрестоматийные публикации из художественной прозы Льва Николаевича Толстого отличаются такой же тенденциозностью (например, с энтузиазмом авторы хрестоматии передают сюжет, в котором «татарская девочка сжалась над русским пленным офицером и помогла ему бежать из плена» или опять-таки антимилицаристский отрывок «Солдаткино житьё»).

После подобных рецензий, показывающих фактуру демократической педагогики в её непосредственных материалах, РНС публикует речь М.Я. Говорухо-Отрока на заседании Государственного Совета 6 марта 1913 года... Говорухо-Отрок анализирует материалы, отрецензированные Облеуховой и её коллегами, но, разумеется, придаёт этому новый, личный, характер (ведь это произведение — образец русской предреволюционной политической риторики).

Говорухо-Отрок пишет о школьной литературе тех лет: «Здесь нет ни одного слова ни об Ослябе, ни о Пересвете, ни об Архипе Осипове, ни об Агафоне Никитине, ни о Суворове, ни о Скобелеве, ни о Нахимове. Их в этом учебнике совсем нет». Красноречивое описание — ведь рассказы о национальных героях составляют фундамент начального идеологического образования и игнорирование этого государствообразующего пантеона всегда свидетельствует о болезненном состоянии общества. Общество без «маяков» (советское определение национального героя), без святых, бывших участниками истории родного государства, без предвосхищающего пантеон святых пантеона героев, теряет традиционную взаимосвязь авторитетов, а на обломках иерархии вырастает великая смута... Публицист ставит патриотизм в эпицентр развития науки и Просвещения. Без этого, как сказал Говорухо-Отрок в завершение выступления, «не может существовать великий русский народ, без них погибнет и развалится та великая страна, которую мы до сих пор называем Россия».

В следующем произведении сборника — публикации доклада П.Б. Мансурова Моршанскому Уездному училищному Совету — знаменателен ряд предпочтений, которые характерны для этого патриотически настроенного деятеля начала XX века. Мансуров интересуется нравственная составляющая предмета. Он с горечью пишет об авторах школьной литературы: «Несомненно, что проводимая авторами мораль неизмеримо ниже того уровня, на котором держится нравственное мировоззрение русского народа, насколько оно отразило воспринятую последним христианскую истину».

Мансуров не приемлет презрения к русскому укладу жизни, которое сквозило в школьной литературе тех лет, противопоставлявшей европейское «счастье» русскому «горю». И союзником Мансурова выступает Фёдор Иванович Тютчев, чьи стихи выступающий любовно цитирует:

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Мансуров тревожится, что **новая педагогика не щадит сами корни исконного «народного воспитания»**, проверенного временем и не раз спасавшего Россию.

«Мир в рассказах для детей» — книга для классного чтения в начальных училищах третьего и четвертого годов обучения — своей тенденцией подтверждает общую направленность демократической школьной литературы. Рецензент Н. Тихменёв замечает, что авторы книги для чтения обожествляют науку и умалчивают о религиозных чувствах. Цитаты подтверждают крайний позитивизм авторов «Мира в рассказах...». Вот они пишут о костях мамонтов: «В прежние времена такие находки невежественные люди считали костями богатырей и иногда служили по ним панихиды. Но теперь, благодаря ученью, мы хорошо знаем, кому принадлежат эти кости». В «Букваре и первом курсе внешкольного образования» автор Г. Казанцев своеобразно проводит исторический ликбез. О временах Ивана Грозного он пишет: «Русским людям пришлось терпеть насилие, потому что пожаловаться было некому, а самому вступить за себя — ему не приходило в голову». Так в юные умы внедряется идея

бунта. О царствовании Екатерины Великой (впрочем, Великой ни её, ни Петра Казанцев не величает) сказано: «простому народу и при ней жилось очень плохо. Недаром то в той, то в другой стороне поднимался народный бунт». Это цитата из букваря 1907 года, а не из советского учебника! В книге Казанцева герои российской истории представлены только как угнетатели народа, жестокие и эгоистичные. В качестве грамматических упражнений рекомендуется переписывать следующие фразы: «Острые ножи сточились», «Соседние помещики разорились», «Рабочий человек имеет право на покойную старость», «Повинности велики у селения» и т.п., всё с одной лишь тенденцией возбудить классовые противоречия. Об армии предлагаются следующие изречения: «Молодой солдат застрелился», «Солдат измучен». Как это похоже на тот образ российской армии, который формируется теми, кто победил нас в холодной войне. Рецензент А.О. резонно замечает: «Без веры в Бога, без любви к Царю, без готовности положить жизнь свою за Отечество будущее России не может быть ни заманчиво, ни утешительно».

Несколько книг хрестоматии Я.И. Душечкина... «Наша речь». Классовый вопрос тоже оказывается на первом плане: и в изучении родной литературы идеологам революционного движения нужно было раскачивать лодку... О выборке из Достоевского рецензент И. Козлов пишет: «Всё то бодрящее и примиряющее, чем так богат великий писатель, здесь отсутствует. Оставлено лишь то, что способно отнять у подрастающего поколения веру в жизнь и в добро, что может лишь озлобить его». Этот принцип действует и для всей выборки из русской классики. **Взято всё антиклерикальное, антифеодалное и космополитическое** — не хрестоматия николаевского времени, а просто мечта Джорджа Сороса... Мрачные картины российской жизни, в которой находится место только несправедливому гнёту и вековым страданиям, **формируют готовый к революционным потрясениям тип человека**. Авторы хрестоматии позволили себе некорректное отношение и к великорусской нации. Рецензент И.Д. Утугаев пишет: «Мерзавцев из русских — сколько угодно, из инородцев — ни одного». **Национальная рознь вместе с рознью классовая составили фундамент гражданской войны**. Любопытен и ещё один момент, отдающий публицистическим мошенничеством. Некрасовское посвящение Александру II, царю-освободителю, преподносится без указания царского имени. И получается (в контексте книги в целом) воспевание революционера:

Славься, народу
Давший свободу!
Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

И это отнюдь не полный ряд подобной школьной литературы начала века. Были ещё книги для чтения: «Новое слово» Сатаровых, сборники «Из родной литературы» и пр. Тенденция была выражена многообразно и преподносилась весьма навязчиво, что и предопределило общий идеологический успех: агитация сработала и явилась, конечно, не единственным, но важным объективным фактором укрепления революционного мировоззрения. Начитавшееся подобной школьной литературы было готово уничтожать социальные проблемы при помощи топора, распродавать Родину, отменять веру. В докладе С.В. Троицкого, венчающего сборник «Школьная подготовка второй русской революции», анализируется антиклерикальная программа во французской школе XVIII века, приведшая к разрушению устоев и многолетней смуте. Авторам «демократической» школьной литературой, как верно заметил Иван Родионов в послесловии к сборнику, было «необходимо сперва разрушить эту старую дребедень — Россию, зажившуюся слишком долго на этом свете».

4

Спор литераторов-демократов с консерваторами-монархистами — это прежде всего **спор о патриотизме в школе**. Сейчас, когда правительством провозглашена программа по вне-

дрению в школе толерантного мировоззрения, особенно важно не забыть о патриотизме. Ведь **толерантное мировоззрение без патриотической составляющей — это лакейская участь**, цену которой мы извели в 1990-е годы. Знаменательно, что в 1998 году, накануне августовского обвала (а только после этого краха патриотизм в нашей стране получил официальное признание), о патриотизме убедительно писал А. Солженицын — писатель и мыслитель, противоречиво и искренне работающий в традиции русского просветительства: «Страна многонациональная в трудные моменты своей истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении всех своих граждан. Каждая нация должна иметь убежденность, что единая защита общих интересов государства — жизненно нужна также и ей. Такого государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине. «...» Один офицер на встрече в Ярославле сказал: «Новая Россия не поставила себя как Родину»*. **Воспитание такого патриотического чувства возможно главным образом в детстве и юности, а значит, эта идеологическая задача важна для средней и высшей школы.** Уроки предреволюционных эпох ясно показывают взаимосвязь школы и социальных движений. Сейчас у нас есть многое для того, чтобы отстаивать свою правоту, бороться со злонамеренными технологиями в гуманитарном образовании. Глупо паниковать от анализа складывающейся ситуации. Наука — занятие для оптимистов, а преподавание — тем более. Наше дело веселое, творческое, перспективное. Нужно помнить о том, что некоторые оттенки жизни можно увидеть только в школьные годы; и есть такие счастливые чувства, которые умеют испытывать только люди школы, учителя и ученики. А наше Просвещение, как кошка: с какой бы силой её ни швыряли, приземлится на четыре лапы.

* Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 153–154.